

Стереотипы необустроенности и нецивилизованности России в текстах СМИ

ЛЮДМИЛА М. МАЙДАНОВА
(Екатеринбург)

В литературе существует точка зрения, согласно которой СМИ «рисуют картину мира, которую потребитель информации может брать за основу для принятия решений» (Засурский 1999: 153). В этом плане СМИ выступают как некая «общественная служба», поставляющая «"символ-товары"», необходимые членам общества для полноценного участия в гражданской жизни» (Кустарев 2000: 82). По поводу этой картины мира высказываются такие же оценки, как и по поводу любой другой картины мира. «Каждая картина мира запечатлевает в себе определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира. Картина мира поэтому есть всегда определенное видение действительности, смысловое конструирование мира в соответствии с определенной логикой миропонимания и миропредставления» (Постовалова 1988: 60). Для сравнения о медиа-картине мира: программы новостей, которые аудиторией прежде всего воспринимаются как моментальный снимок реальности, на самом деле представляют собой «сконструированную интерпретацию реальности, больше основывающуюся на том, что достойно попасть в разряд новостей, чем на том, что можно считать действительно важным» (Харрис 2002: 7).

Важным компонентом картины мира является противопоставление «свой – чужой», которое в определенной форме присутствует и в картине

мира, создаваемой СМИ. Пространственно это Россия и мир за ее рубежами. Но эти представления не сводятся к пространственным характеристикам. Россия в медиа-картине – это «МЫ». Поэтому ее описание можно считать самохарактеристикой стороны «СВОИ».

В разных исследованиях постоянно отмечается, что «свои» исконно характеризовались положительно, например: «В первобытном обществе “мы” – это всегда “люди” в прямом смысле слова, т.е. люди вообще, тогда как “они” – не совсем люди. Самоназвание множества племен и народов в переводе означает просто “люди”» (Поршнев 1979: 82). Можно напомнить, что группа «своих» связывается с признаками свободы и роста (Бенвенист 1974: 356; Степанов 2001: 136). Социальные психологи экспериментально установили, что «даже когда разделение на «мы» – «они» было основано на простейших признаках, люди все равно отдавали предпочтение своей собственной группе... Подобная пристрастность выявляется у обоих полов, у людей всех возрастов и национальностей» (Майерс 1996: 453).

Как же медиа-картина мира представляет Россию, «свою» сторону? Мы рассмотрим на основе случайной выборки газетные материалы с 1991 по 2004 год, когда в картине мира, которую рисуют СМИ, Россия снова начала осознаваться как самостоятельный субъект истории, а не как составная часть СССР.

Рассмотрим прежде всего «границы» – начало и на текущий момент некий конец самоописания.

1991 год. Газета «Известия» от 30 ноября: прошло несколько месяцев после ГКЧП, осталось чуть больше недели до Беловежской пуши. Так сказать, минута до полуночи, вот-вот юридически оформится новое государство.

«МЫ» для российских СМИ уже начало оформляться как «Россия», а не как «Советский Союз»: номер открывается громким заголовком *Россия и Союз на грани межпарламентского кризиса*. По прямому смыслу это выражение примерно равно высказыванию «яблоко и две его трети». Россия здесь выступает как нечто реальное, а Союз уже виртуален, как виртуально якобы целое яблоко, противопоставленное своим реальным двум третям. СССР номинально еще есть, но реально в него мало кто уже верит, отсюда алогичные высказывания, из числа которых и уже приведенный заголовок, тем более что фигурирует еще и Союз Суверенных Государств (ССГ), договор о создании которого еще не

подписан. Так, о кредитах сообщается: *«Какие кредиты получит в ближайшее время СССР (именно СССР, а не ССГ, поскольку “чек” выписывается пока на СССР) – вопрос открытый»*. Вместе с тем в материале говорится: *«страны, составляющие СССР или ССГ, будут вынуждены признать себя международными банкротами»; «трудности бывшего Советского Союза»* (это одна сторона – СССР не существует) – *«За что и с кем придется расплачиваться СССР в ближайшие годы, дает представление таблица»* (это другая сторона – СССР существует и будет существовать). Это явное противоречие в картине, рисуемой СМИ, но противоречие, порожаемое самой действительностью. Создатель картины вынужден бороться со сложностью положения и говорить нечто вроде того, что «бывший СССР будет отдавать долги».

В текстах СМИ единицы «Россия» и «СССР» причудливо сочетаются в алогичных конструкциях, последнее название явно включает в себя семантику небытия или уходящего бытия: если нужно построить высказывание о настоящем и будущем, оно получается алогичным, порождающим сомнения и вопросы («что за СССР без России?»; «кто же будет отдавать долги?»). Так в картине мира, которую рисуют СМИ, один из элементов приобретает фантомный характер, причем этот элемент связан с «МЫ» общего контекста номера: материал, посвященный кредитам, выписанным на СССР, который уже почти совсем ушел в небытие, называется *«Кредиты, которые мы уже съели»* (МЫ = Советский Союз).

Однако если единица «СССР» уже неотрывна от семантики небытия, то «МЫ» такой семантики не имеет, это трансформирующаяся единица текстов СМИ данного периода. Тот, кто говорит сейчас от имени СССР, завтра заговорит от имени России.

Но это только один параметр самохарактеристики – бытийный: «МЫ» как «СССР» уходим, но «МЫ» как «Россия» остаемся. В самоописании коллективного «МЫ» есть еще два признака, которым предстоит долгая жизнь. Первый из них – «нецивилизованность», второй – «крах (кризис)». Казалось бы, эти признаки относятся к СССР. Рассмотрим подробнее эти смыслы.

Нецивилизованность. СССР приписан признак нецивилизованного государства, «МЫ» должны преодолеть этот недостаток. Но СССР – нечто уже не существующее, фантомное, следовательно, к цивилизации придется идти России, которая в настоящий момент является

нецивилизованным государством. Эта игра времен и модальностей в контексте номера постоянно переключает признак с одной ипостаси «МЫ» («СССР») на другую («Россия»). Например: *«Столица цивилизованного государства, где сохранилось представление о чистоплотности, может ли позволить себе подобное?»*; *«Решайте свои споры в форме, достойной цивилизованной страны, а не дикарей, вооруженных газовыми пистолетами»*; *«Цивилизованный мир помогает сейчас нашей стране»*; *«Не хочется проявлять преждевременный оптимизм, но количество находящегося в обороте пессимизма требует какого-то баланса. На операцию надо ложиться с настроением поправиться, выжить и вступить в брак с мадам Цивилизацией»*. Здесь и исключение «МЫ» из цивилизованного мира, и призыв к тому, чтобы двигаться к цивилизации. И хотя говорится пока об СССР, но побуждение относится к России: нецивилизованная столица СССР должна стать цивилизованной столицей России.

Смысл «крах» образует в контексте номера поле, втягивающее в себя различные лексические единицы: *«слышится SOS в связи с условиями существования нашей неслыханно обделенной культуры»*; *«горести Родины»*; *«масло – это, ребята, такая вкусная белая штука, которая иногда остается от взрослых чиновников и их семей»*; *«Пока условия для выживания уникальных научно-производственных коллективов еще только предстоит создавать»*; *«сейчас нам выпала черная полоса»*. Это – настоящее, и оно касается как уже почти несуществующего СССР, так и вполне реальной России. «МЫ» полностью погружено в этот «крах».

Можно констатировать, что стоящая на пороге своего «второго рождения» Россия через три с небольшим месяца после ликования по поводу поражения ГКЧП описывается в тревожных тонах. В этом номере помещено интервью с Борисом Ельциным. Во вводке сообщается: *«Мы беседуем утром 25 ноября. Сутки как закончился его визит в Германию, через час он отправляется в Ново-Огарево на парафирование договора о политическом союзе ССГ, хотя открыто сомневается в успехе этой попытки»*. Интервью, да и номер в целом просто дышат ощущением «самостоятельности» России. Первая фраза Ельцина: *«Германия – первая страна, принимавшая Президента России как главу самостоятельного государства со всеми протокольными мероприятиями»*. Но превалирует в интервью другой смысл: *«такое тяжелое для нас время»*; *«где, скорее всего, и будут опасные точки со-*

циальной напряженности»; «может стать серьезным ударом и для Союза, и для России»; «неудачный месяц – ноябрь»; «отчаянный шаг»; «трудные времена»; «да, время трудное, всем тяжело»; «не нам одним – многим государствам пришлось пережить кризис»; «при нашем тяжелейшем положении».

Итак, Россия, как элемент СМИ-картины мира, с первых минут своего второго рождения выступает с признаками «нецивилизованность» и «кризис (крах)».

В рамках контекстов масс-медиа эти признаки России кажутся заимствованными из описаний СССР (ср. из публикации 1992 г.: *«Разве не под бременем сумасшедшей гонки вооружений СССР рухнул и распался? Так теперь что, взваливать это бремя на кризисную российскую экономику?»* – «Литературная газета», 29 июля 1992). На самом деле это не так. Похоже, что через десятилетия существования медиа-картины, в которой страна описывалась как могучая, справедливая, передовая, лучшая в мире, вернулось описание страны, известное еще позапрошлому веку, а по мнению В.О.Ключевского, и более ранним периодам русской истории. Размышляя о русском обществе XVII века, В.О.Ключевский отмечает, что именно в это время начинается западное влияние на Россию. Он пишет: «Тогда и начался глубокий перелом в умах: в московской правительственной среде и в обществе появляются люди, которых гнетет сомнение, завещала ли старина всю полноту средств, достаточных для дальнейшего благополучного существования; они теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, искать указаний и уроков у чужих людей, на Западе, все более убеждаясь в его превосходстве и в своей собственной отсталости. Так на место падающей веры в родную старину и в силы народа является уныние, недоверие к своим силам, которое широко растворяет двери иноземному влиянию» (Ключевский 1957: 257-258). По отношению к тому периоду у автора пока нет формулировки «стать цивилизованной страной». Но она появляется по отношению к нашему «золотому веку». «Если мы хотим, пишет П.Я.Чаадаев, занять положение, подобное положению других цивилизованных народов, мы должны некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода» (Чаадаев 1991: 24-25). В известном смысле есть и переключки с сетованиями на тяжелые времена (кризис). Чаадаев, например, говорит: «Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не создавалось; мы по-прежнему

прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы» (Чаадаев 1991: 31).

Таким образом, признаки «нецивилизованность» и «кризис» в самохарактеристике «МЫ» как элементы медиа-картины мира – это чуть ли не стереотипы национального сознания, лишь чуть поколебленные пропагандистской машиной СССР.

Что же рисует нам пресса сегодняшнего дня?

Номер «Аргументов и фактов» (август 2004). Ответ не надо даже искать по всем страницам. Вся третья полоса (интервью с режиссером Сергеем Соловьевым) – это разработка смысла «крах»: *«Происходит конец света. То, что происходит у нас во всех без исключения институтах, практически непоправимо»; «катастрофа не грядет, а давно уже грянула»; «Судя по многим внешним приметам, России в том понимании, в котором нам хотелось бы ее помнить, больше нет».*

И в цивилизацию мы все еще идем. На следующей полосе: *«В цивилизацию нам надо идти вместе»; «Только в таком формате страны бывшего СССР могут стать полноправной частью цивилизованного мира».*

Между этими точками облик «краха» и параметры сопоставления «цивилизованный/нецивилизованный» в зависимости от ситуации менялись, но базовые смыслы оставались неизменными.

Анализ газетных публикаций 1991-2004 годов показывает, что для характеристики обстановки в России чаще всего используется слово **кризис**, чему способствует, по-видимому, возможность его терминологического и нетерминологического употребления. «Терминологический» вариант дает сочетания типа *«экономический кризис», «финансовый кризис», «энергетический кризис», «системный кризис», «демографический кризис».* Нетерминологическое употребление со значением «тяжелое положение» позволяет включать это слово в самые различные темы, в тексты разной тональности как напоминание об общей ситуации, в которой осуществляется данный акт общения: *«Кризис сексу не помеха» («Я молодой», май 2002, № 18-20); «Кризис не кризис – жизнь продолжается» («Литературная газета», 21 окт. 1998).*

Другим единицам, передающим смысл «крах», позволяет расширить зону использования прямое и не прямое употребление: с одной стороны, *«катастрофы самолетов», с другой – «Учебник литературы как общенациональная катастрофа» («Литературная газета», 20-26 июня*

2001); с одной стороны, «взрывы домов», с другой – «Реструктуризация российской энергетики по плану Анатолия Чубайса грозит социальным взрывом» («Независимая газета», 27 дек. 2000); с одной стороны, «крушения поездов», с другой – «Крушение иллюзий – перманентное состояние русского общества» («Новая газета», 23-29 марта 1998). В описания бедственного положения разных сфер жизни и страны в целом выключаются слова с широким значением: «Мы находимся в состоянии перманентного катаклизма» («Комсомольская правда», 14 марта 1995); «тотальный развал отечественного производства» («Аргументы и Факты», янв. 1995, № 3); «развал страны» («Аргументы и Факты», дек. 2004, № 51); «крах российской науки» («Независимое военное обозрение», 12-18 янв. 2001); «Много разрушили, мало построили – переходный период» («Литературная газета», 23-29 июня 1999); «за полчаса до обвала», «потрясение на финансовых рынках» («Известия», 29 мая 1998); «Имя этой беде – Разруха» («Екатеринбургская неделя», 31 июля 1998); «Наши статистические эксперименты всегда приводили к поражениям» («Известия», 18 янв. 2001).

Авторы находят и более индивидуальные обозначения того же явления, что в еще большей степени увеличивает яркость фиксаций данного смысла в текстах СМИ: «В отечественной культуре учинено настоящее мамаево побоище» («Аргументы и Факты», сент. 1997, № 38); «Над Россией висит какое-то «политическое проклятие»» («Аргументы и Факты», дек. 2004, № 51); «Культура кончается» («Известия», 18 янв. 2001); «вялая ишизофрения, которая идет сейчас в стране» («Аргументы и Факты», окт. 1999, № 41); «Падать в пропасть продолжаем, но медленно» («Известия», 21 нояб. 1998); «Страна охвачена чумой неплатежей» («Известия», 22 марта 1994); «депрессивный синдром» («Литературная газета», 22 окт. 1997); «Цивилизация разорвана» («Литературная газета», 9 апр. 1997); «Последняя сцена из многосерийного ужастика – нашей жизни – называется «суверенный дефолт»» («Новая газета», 10-16 дек. 1998).

Стереотип «крах» не только постоянно фигурирует в дискурсе как таковой, но и ставится в ту или иную связь с представлениями о различных типовых ситуациях. Регулярной является подача краха как некоего неожиданного следствия, то есть в основе авторского рассуждения лежит уступительная конструкция «хотя были основания ожидать лучшего, но все обернулось крахом». Таким образом, периодически возникает тема особого краха – «краха надежд»: «Похоже, мы упустили уникальный

исторический шанс быстро и радикально преобразовать Россию... Были серьезные основания предполагать, что к весне 1993 года в стране сложатся условия для преобладания цивилизованных способов управления хотя бы экономической, не говоря уж о других сферах. Теперь эти надежды почти исчезли» («Литературная газета», 20 янв. 1993). И далее, например: *«в нынешней России вновь сумерки»* («Комсомольская правда», 29 окт. 1994); *«демократическое преобразование России, едва начавшись, уже пошло по нисходящей»* (Аргументы и Факты», янв. 1995, №3); *«Год несбывшихся надежд, год, потерянный для реформ»* («Известия», 4 янв. 1997); *«Многие эксперты говорят сейчас об упущенных возможностях прошедшего года»* («Независимая газета», 27 дек. 2000); *«Теперь экономический рост в России продолжается, но постепенно замедляется»* («Аргументы и Факты», сент. 2000, №39); *«Сейчас у нас реализуются (готовы реализоваться), скорее, не модели будущего, а модели хорошо известного прошлого во всей красе»* («Литературная газета», 20-26 июня 2001); *«Еще один год можно считать потерянным»* («Новая газета», июнь-июль 2003, № 46).

Повторяющейся является тема «причины краха», а вернее – «виновники краха», что связано с традиционным для нас вопросом «кто виноват?». Совершенно естественно, что рассматриваемый стереотип оказывается связанным с двумя другими стереотипами: «власти виноваты», «Запад виноват», причем второй уводит нас еще и к признаку «цивилизованность/нецивилизованность».

Образ «внутреннего врага» рисуется в СМИ разными средствами. Это может быть анализ конкретной ситуации с указанием имен, с четким обозначением ошибочных действий. Если вернуться к разговору о «крахе надежд», то следует сказать, что пресса конца 1997 – начала 1998 года отчетливо прогнозировала дефолт, точно называя его причину – конкретные действия властей. Например, «Новая газета» (9-15 февраля 1998 г.) писала: *«Экономика абсолютно адекватно и объективно реагирует не на выступления отдельных (даже очень высоких) чиновников, а на проводимую в стране экономическую политику, которую назвать рыночной можно только по очень большому недоразумению. И суть которой сводится к наращиванию внутренних и внешних заимствований, в первую очередь при помощи государственных ценных бумаг... На российский рынок пришли... не стратегические инвесторы, а финансовые спекулянты»*. Но стереотипизация происходит, наверное, не

Fot. Ryszard Emmerling

в таких пространных аналитических толкованиях. Пресса дает массовому сознанию сжатые формулы (равно как и сама отражает массовые суждения): *«Отечественная бюрократия способна вообще убить все, что угодно. Традиции в этом деле у нее многовековые»* («Литературная газета», 2026 июня 2001); *«Война с народом – излюбленное занятие российских чиновников»* («Уральский рабочий», 6 февр. 1997). И не называя имен: *«Хотели, как хуже, - и получилось! Как всегда...»* («Новая газета», июнь-июль 2003, № 46).

«Внешний враг» (Запад), конечно же, грабит Россию и желает ей всяческих бед: *«Происходит разграбление России. По взяткам люди получают лицензии и гонят наши недра на Запад. Международный валютный фонд несколько дней назад продиктовал, что если мы уменьшим квоты экспорта нефти, то они нас лишат помощи. То есть откровенно душат нас: гоните нам вашу нефть, гоните нам ваш газ»* («Аргументы и Факты», янв. 1995, № 3); *«Да и вообще, кому за рубежом выгодно, чтобы Россия быстро поднималась с колен, чтобы оживала ее промышленность?»* («Литературная газета», 15 окт. 1997).

В силу бытования такой оценки Запада признак «нецивилизованность» получает в текстах СМИ противоречивую оценку, которая тесно связана с темой «краха надежд». Глобальный западный «плюс» и глобальный российский «минус» сменились противоречивостью оценок той и другой стороны. Конечно, это лишь логическая последовательность. Хронологически разные типы соотношения оценок сосуществуют. В плане выражения оценки интересно следующее. Прочно закрепилось сочетание «цивилизованные страны»: *«В цивилизованных странах делается совсем не так»* («Megapolis-Continent», 6-20 янв. 1993); *«Доля зарплаты работника в цене произведенного товара 11% в России, 40-50% в цивилизованных странах»* («Аргументы и Факты», июнь 1999, № 25). Популярны «дивилизованный рынок», «цивилизованная торговля» и пр. Тот же смысл передается прилагательным **нормальный**: *«В нормальных странах среднему классу положены частная собственность, и не просто на дачу с машиной – на средства производства, электоральная активность и вековые традиции. В России при затяжном переходе к нормальной жизни эти правила не действуют»* («Литературная газета», 21 окт. 1998). Поскольку в текстах используется контраст и формируется смысл «вот как надо делать», Россия неизбежно наделяется признаками «нецивилизованная», «ненормальная».

Когда отрицательная оценка России начинает колебаться, привлекаются признаки «самобытность», «своеобразие», «свой путь». Наиболее принимаемое, наименее критикуемое обозначение «плюса» – слово *традиции*: «Верим, что выход есть. Он очень прост: уважать историю страны, привычки и традиции людей, не стараться навязывать всем что-нибудь “единственно научное и жизненное”, не шельмовать инакомыслящих, быть готовыми к разумному компромиссу. Тогда выход будет. А в противном случае, конечно, “слепящая тьма”» («Екатеринбургская неделя», 31 июля 1998). Когда на одной стороне к минусу добавляется плюс, на другой стороне плюс осложняется минусом. Из всего разнообразного материала приведем только три примера, в которых важен и ход мысли, и даты: «Мы с трудом находим выход из национальных тупиков. Демократический европейский багаж ценностей, которые нам усиленно предлагают, мало помогает. Мы не умеем пользоваться демократическим инструментарием, но и Европа не умеет. То, что переживает Югославия, – это кризис не самой Югославии, а кризис Европы» («Российская газета», 5 февр. 1993); «Люди приобрели ту самую единственную веру, которую в наше время исповедует весь “цивилизованный мир”, – веру в силу и власть денег... И очень горько, что Россия на наших глазах становится частью столь бездушной и бездуховной цивилизации» («Литературная газета», 23-29 июня 1999); «Россия сегодня чуть ли не в большей опасности, чем когда-либо. Сближение разных стран и культур – не проблема. Но глобализация и идеи демократических свобод используются Западом в своих сугубо корыстных целях» («Аргументы и Факты», дек. 2004, № 51).

Разрабатывая сюжет «Ход реформ, или Движение России в цивилизованное будущее», пресса не может избежать прогнозов. Из десятилетней давности: «Директор чувствует кожей: в экономике оживление» («Уральский рабочий», 10 нояб. 1995). Сегодняшнее: «Опросы показывают, что за прошлые годы наши граждане все-таки стали жить чуть лучше» («Аргументы и Факты», дек. 2004, № 51). Пресса старается уловить ощущения своих читателей, отнюдь не уповая на всезнающую статистику. Поэтому и сегодня наиболее точной формулой прогноза остается, по-видимому, формулировка 1998 года: «- Экономический подъем России не за горами... - А где?» («Литературная газета», 21 окт. 1998).

Таким образом, стереотипы «необустроенность» и «нецивилизованность», имея многовековую традицию, и в современной прессе эксплуатируются на всем протяжении существования новой России, включаясь в самый главный, наверное, из разрабатываемых СМИ сюжетов – «Движение России в будущее... Какое?».

Литература

- Бенвенист Э., 1974, *Общая лингвистика*, Москва.
Засурский И.И., 1999, *Масс-медиа второй республики*, Москва.
Ключевский В.О., 1957, *Курс русской истории. – Сочинения, т.3*, Москва.
Кустарев А., 2000, *Конкуренция и конфликт в журналистике*, "Pro et Contra", т. 5, № 4.
Майерс Д., *Социальная психология*, Санкт-Петербург.
Постовалова В.И., 1988, *Картина мира в жизнедеятельности человека. – Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, Москва.
Поршнев Б.Ф., 1979, *Социальная психология и история*, Москва.
Степанов Ю.С., 2001, *Константы: Словарь русской культуры*, Москва.
Харрис Р., 2002, *Психология массовых коммуникаций*, Санкт-Петербург.
Чаадаев П.Я., 1991, *Философические письма. – Россия глазами русского*, Санкт-Петербург.

The Stereotypes of Inconvenienced and Non-civilized Russia in Mass Media Texts

This article considers two Russian social consciousness stereotypes interpreted in the press of 1991-2004 applying the ideas of mental linguistics. These are the stereotypes of inconvenienced and non-civilized Russia. During the initial period of Russian new press development the stereotypes are functioning within the contexts attributing them now to the USSR now to Russia. The time and modality of the statements are not fixed. What they imply may be generally stated as follows: "the inconvenienced and non-civilized USSR should be replaced by well-balanced and civilized Russia". However, these stereotypes do not disappear with the development of the press. By contrast, they turn into the transparent motives of the discourse which has something in common with the evaluation of Russia in XVII-XIX centuries. The stereotype of being inconvenienced always appears in the texts as a crash or crisis of different social spheres. The meaning of it is expressed in a number of words used both in the terminological and non-terminological way, in the literal sense of a word and metaphorically. The meaning of the word "crash" is realized in several standard contexts. The context of "the crash of hopes" represents "crash" as an

unexpected consequence of the situation which was to be successful. According to the material this motif is repeatedly addressed to year after year. The context of "those who are to blame for the crash" manifests itself in two ways depending on who is to blame. An inner or outer "enemy" may be named. This context gives mass consciousness the formulations describing the situation in the country in a precise way: "the bureaucracy against people struggle", "the West is robbing Russia". This characteristic quality of the West influences the evaluation of the "non-civilized" notion. There appear negative evaluations of the civilized West and positive evaluations of non-civilized Russia. The West is associated with the power of money and the armed thrusting of democratic values. Non-civilized Russia is said to be the keeper of age-old national traditions. The revival and constant application of mass consciousness stereotypes of "inconvenienced and non-civilized Russia" contribute to shaping the general discourse modality of instability which reflects the state of the society solving the problems of its future.

Keywords: *russia, mass media, stereotypes, inconvenienced, non-civilized.*